

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. НА ТЕРРИТОРИИ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ

Киприянова Наталия Владимировна

д.и.н., профессор, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
natvlad50@mail.ru

CHURCH REFORM OF THE FIRST QUARTER OF THE 18 CENTURY ON THE TERRITORY OF THE VLADIMIR REGION

N. Kipriyanova

Summary: The article examines the concrete implementation of the church reform in the territory of the Vladimir Region on the basis of documents from the monastery archives. The author shows an incomplete attempt to secularize church estates, changes in the life of the clergy, and a clash of interests between Church and state. The events of local history fully reflect the desire of the supreme authorities to limit the independence of the Russian Orthodox Church at any cost, to fit it into the context of the "common good", and to create a state church.

Keywords: Russia, Vladimir region, XVIII century, Peter I, reform of the Russian Orthodox Church.

Аннотация: В статье на основе документов монастырских архивов рассматривается конкретная реализация церковной реформы на территории Владимирского края. Автором показана незавершенная попытка секуляризации церковных имений, изменения в жизни духовенства, столкновение интересов Церкви и государства. События локальной истории в полной мере отражают стремление верховной власти любой ценой ограничить самостоятельность Русской Православной Церкви, вписать её в контекст «общего блага», создать государственную церковность.

Ключевые слова: Россия, Владимирский край, XVIII в., Пётр I, реформа Русской Православной церкви.

В начале XVIII в. в положении Русской Православной Церкви произошли кардинальные изменения. Пётр I стремился ограничить самостоятельность Церкви, максимально подчинив ее государственной власти. Реальные шаги в этом направлении были предприняты в конце XVII в. С 1696 г. царь специальным указом потребовал предоставления ежегодных отчетов о доходах и расходах монастырей [1, с. 466–467]. Отныне монастырям запрещалось самостоятельно распределять деньги, возводить новые постройки. Не допускалось основание новых обителей.

В октябре 1700 г. умер патриарх Адриан. Вместо избрания главы Церкви 16 декабря 1700 г. Пётр назначил «блюстителем и администратором патриаршего престола» митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского [19, с. 88]. Параллельно началось последовательное ослабление позиций Церкви. Целями политики царя являлись: 1. установление монахам определенного жалованья вместо прежних доходов с недвижимого имущества; 2. уменьшение штата монастырей для сокращения расходов на их содержание; 3. изъятие у монастырей права управления и владения их вотчинами; 4. передача монастырских доходов, свыше необходимого для содержания монашествующих минимума, в государственную казну.

Основным инструментом реформирования Церкви стал Монастырский приказ во главе с боярином И.А. Музиным-Пушкиным. Приказ получил право полного кон-

троля всех экономических дел церковных учреждений, а монастырям «вотчинами и никакими угодьями не владеть» [21, с. 181]. Фактически это означало секуляризацию. Приказу вменялось в обязанность «без промедления» составить сводную ведомость земельных владений духовных учреждений.

Так началась кардинальная церковная реформа. Монастырский приказ делился на отделы – по вытъя, которые возглавляли «старые подьячие». Архиерейские и монастырские владения Владимирского края оказались в ведении Ивана Баутина (Суздальская епархия, 7330 крестьянских дворов), Ивана Яковлева (Владимирский Рождественский монастырь и ряд территорий Патриаршей области), а также Григория Очакова (Переславские монастыри). Для описи и учета церковного имущества государство разослало во все регионы «царедворцев из людей добрых» [7, с. 131–136].

Реализация положений реформы началась сразу по принятии законов.

На территории Владимирского края первое известное описание церковного имущества было произведено в начале 1701 г. Именным указом царя от 25 января 1701 г., буквально на следующий день после распоряжения о восстановлении Монастырского приказа, «вла-дычный приказной Иван Васильев сын Белосельский» был направлен для описания Суздальской соборной церкви и архиерейского дома [15, с. 176, 248]. В апреле 1701 г.

в качестве правительственного агента в Суздаль прибыл стольник Иван Миронов Кологривов. Ему предстояло описать имущество и вотчины монастырей мужских и женских в Суздале и уезде [18, с. 148–149]. Помимо Суздальского, в его подчинении находились монастырские крестьяне Владимирского, Юрьев-Польского, Шуйского и Лухского уездов. С августа 1703 г. И. Кологривова сменил Гаврила Андреевич Суворов [4, с. 84].

Какой-либо четко сформулированной программы описаний не было. Переписчики должны были представить подробную информацию обо всем, что относилось к церковным учреждениям: каменная или деревянная ограда у монастыря, сколько церковных зданий, имеется ли «воинский наряд» (ружья, пушки, порох), какая в наличии церковная утварь. Учету подлежали книги, одежда в ризнице, денежная казна, посуда, документы на право владения вотчинами (жалованные грамоты, выписи с писцовых и межевых книг). Требовалось подробно описать все села и деревни, учесть запасы хлеба, по именам перечислить жителей крестьянских и бобыльских дворов. Пересчитывали «на конюшне лошадей», овчины, сани, даже сковородки, «стоканы», «ковшечки маленькие» и пр. Производился учет всех насельников – монахов, слуг и служебников, мастеровых людей.

Сразу по составлении описей стали сокращаться штаты архиерейских домов. Архиерейских бояр, детей боярских брали в военную службу. В переписных книгах Суздальского архиерейского дома постоянно отмечалось: «Михайло Александров, взят в салдаты. Поместной земли за ним две выти... Никифор Оборин, у него сын Иван, взят за него в салдаты» [15, с. 180, 243].

Монастыри стремились утаить от государства хотя бы часть своего имущества. Так, из Никитского монастыря в Переславле-Залесском было взято 1070 руб. «утаенной денежной казны». В Даниловом монастыре (также Переславль-Залесский) было обнаружено выморочное имущество князя Ивана Барятинского («инока Ефрема»), жившего в монастыре семь лет. Для розыска и описания его вещей в монастырь сначала был послан подьячий Казаринов, затем приехал сам И.А. Мусин-Пушкин. Золотые рубли, жемчуг и другие предметы были спрятаны в земле в кувшинах под колокольной, а также в мешках в подполе архимандритской кельи. В общей сложности в Монастырский приказ было отослано 16 тыс. руб. [4, с. 101].

Вторым направлением ограничения экономической самостоятельности Церкви было лишение её финансовых привилегий. До Петра I духовенство не участвовало в уплате основных государственных налогов, не имело и воинских обязанностей. С конца XVII в. священнослужители начали вносить свой вклад в строительство флота, и на протяжении всей первой четверти XVIII в. происхо-

дило включение духовенства в общую систему налогообложения.

Сразу после завершения Азовского похода в конце 1696 г. царь поставил вопрос о создании военного флота. Строительство началось в соответствии с указом Петра от 4 ноября 1697 г. Всем крупным земельным собственникам предписывалось «складываться» – объединяться – для постройки кораблей. Кто с кем будет складываться позволялось решать самим складчикам. Эти «складки» в дальнейшем стали называться «кумпанствами», представлявшими собой товарищества, «добровольно» составленные из землевладельцев. На строительство одного судна требовалось «сложить» 8 тыс. дворов.

Монастыри и архиерейские дома являлись крупными землевладельцами. За патриархом в его владениях числился 8761 двор. Поэтому он был обязан один корабль построить единолично, а затем с 761 оставшимся двором искать себе складчиков. Складчиками патриарха стали митрополит Авраамий Белгородский, епископ Митрофаний Воронежский и ещё 12 монастырей разных епархий, в числе которых были и монастыри Владимирской земли: Спасский монастырь в Муроме, Данилов и Никитский в Переславле-Залесском [3, с. 387, 388]. Митрополит Суздальский Иларион вошёл в кумпанство с митрополитами Новгородским, Казанским, Ростовским, Псковским, Крутицким, Белгородским. В целом в 1697 г. составилось 17 духовных кумпанств, которым следовало построить 17 галер. Кумпанства поставляли на верфи строительные материалы, вооружение, содержали за свой счет мастера, подмастерьев, переводчиков, плотника-иноземца, 60 плотников, кузнецов, резчика, столяра, живописца, лекаря и др.

Средства на корабельное строение, снаряжение, починку кораблей требовались существенные. Вклад Суздальского митрополита в кумпанства на галеру и на «запасной корабль» с 1698 по 1704 г. составил 11816 руб., вместо положенных 4363 руб. [29, с. 528, 529]. Каждый крестьянский двор на строительство флота собирал по 2 руб. 20 коп.

С 1701 г. государственная система налогообложения стала в полном объёме распространяться на духовенство. Многочисленные подати «в золотую полату», в Ямской приказ, в Адмиралтейский приказ дополнялись поборами «на корабли, пушки и медь», изъятием «на пушечное дело колоколов» [16, с. 97, 98].

Одной из постоянных повинностей с вотчин духовенства стала поставка работных людей. Для строительства крепостей, городов, каналов разных специалистов направляли в Петербург, Воронеж, Жатск, Москву и другие города. Наборы работных людей приобрели систематический характер, иногда дважды в год. В писцовой книге

Суздальского архиерейского дома 1701 г. при переписи работных и служилых людей постоянно отмечалось: «*Послан на Таган Рог в каменщику*», «*послан в кузнецах*» [15, с. 237, 238].

В 1704 г. в Монастырский приказ из Приказа Адмиралтейских дел была послана «память», отразившая отношение церковных властей к политике правительства. В предшествующий год «на Воронеж к корабельному строению» были отправлены плотники из Суздаля, Юрьева-Польского, Владимира, Шуи, Гороховца, Переславля-Залесского, Муром и некоторых других городов. Теперь же следовало снова собрать людей «прежним плотникам на перемену». Однако, воеводы, стольники и дворяне, в чьем ведении находились архиерейские и монастырские вотчины, отказывались без дополнительных распоряжений производить повторный набор [7, Приложение, с. 18] Это вызвало негодование Приказа Адмиралтейских дел. Вероятно, «ослушание» было связано с тем, что по царскому указу 1701 г. никакие государственные структуры не могли вмешиваться в деятельность чиновников Монастырского приказа.

Параллельно с этим распоряжением монастыри получили указание выделить с каждых девяти дворов по человеку для отправки в Санкт-Петербург. Так, от Владимирского Княгинина монастыря Монастырский приказ требовал, чтобы работные люди «*были не старые и не малые, и не увечные, и не пьяницы... и было б у них у всякого человека по топору доброму и острому, да у десяти человек по долоту, и по бураву, и по скобелю*» [8, л. 3]. Через четыре следовало поставить «*с пяти дворов по человеку... к городоному делу*» [9, л. 1]. Набор людей для выполнения государственных повинностей производился очень интенсивно, что реально приводило к «запустению» деревень. Крестьяне Суздальского Покровского монастыря в челобитной на имя Петра I сообщали, что по писцовым книгам 1678 г. в их селе с деревнями было 100 дворов, а по книгам 1715 г. «*у нас жилых 61, пустых 39 дворов*». «А всякие сборы и подати» собирают по данным конца XVII в. «*Мы людишки скудные, – жаловались крестьяне, – того отправлять не в мочь*» [13, л. 1, 13].

Стало реализовываться и третье направление, провозглашенное в начале реформы – лишение духовенства права сбора и распоряжения доходами со своих вотчин. До реформы Петра I духовенство не платило никаких налогов в казну с рыбных ловель, мельниц, бань и т.п. Теперь все эти объекты поступали в распоряжение Монастырского приказа и сдавались на оброк по его усмотрению [20, с. 159]. Владимирский Княгинин монастырь по распоряжению стольника М.С. Колычева был

вынужден все оброчные хозяйственные объекты «*переоброчить и отдать охочим людям с наддачею*» [8, л. 1], а Суздальский Покровский монастырь стал платить в год с монастырских «пчельных заводов» «*по осьми денег с улья*» [13, л. 27; 14, л. 1].

За тот период, пока Приказ распоряжался церковными владениями, часть их бесконтрольно была просто роздана разным людям. Так, земли и мельница Богословского Переславского монастыря «в вечное оброчное владение» были отданы И.А. Синявину. Село Образцово с деревнями (41 двор) вотчины Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря оказались у графа Мусина-Пушкина, «*который брал доходы на себя, пока был в Монастырском приказе*». В Переславском уезде в 1702 г. «*неизвестно кому на оброк*» было пожаловано село Филипповское «с деревнями и пустошами». Всего Монастырский приказ «продал и роздал» разным лицам из Суздальской провинции 250 дворов, Юрьев-Польской – 44, Переславль-Залесской – 87, Владимирской (с Муромом и Гороховцом) – 495 [7, Приложение, с. 70, 138]. Государство считало себя полным хозяином церковных вотчин.

При этом духовенству приходилось буквально требовать, чтобы указные доходы с их вотчин поступали на содержание иноков. В 1703 г. архимандрит Владимирского Рождественского монастыря Боголеп отправил Петру I жалобу на стольника И. М. Кологривова. «Денежный и хлебный оклад» монастырю стольник выдавал «с великим замедлением, по малому числу и со многою волокитой». В результате монахам пришлось брать «*годового запаса всякого на пищу*» у торговых людей в долг. «*И от того, – писал Боголеп, – мы во обители за тою невыдачею пребываем в великом оскудении*» [4, с. 91]. Нерегулярно выдавалось и ружное жалованье. Покровский Кукоцкий девичий монастырь («на Куксе») по два года не получал ругу. Дошло до того, что монастырский поп с разрешения игумены продал серебряные застежки от Евангелия и «две пелены тафтяные», чтобы купить свечи и ладан [17, с. 139].

На основе переписных документов Монастырского приказа 1701 – 1705 гг. была составлена табель (ведомость) о доходах духовенства. В Суздальской епархии в начале XVIII в. числилось 929 «начальников» и монахов¹, 383 служителя, почти 8700 руб. дохода и около 200 четвертей оброчного хлеба. По размеру денежных доходов Суздальская епархия находилась на третьем месте (из 15 епархий в ведении Монастырского приказа).

В 1705 г. своим «повелением» Мусин-Пушкин распо-

1 Под «начальниками» («начальными монахами») подразумевались руководители монастырей: настоятели (игумены, архимандриты), келарь, казначей и, возможно, «соборные старцы», т.е. наиболее авторитетные монахи, которые привлекались для принятия решений по разным вопросам монастырской жизни.

рядился уменьшить установленный оклад содержания духовенства в два раза [4, с. 55, 108, 113]. Была изменена форма распоряжения доходами с церковных имений. Земельные владения духовных учреждений были разделены на две части. Одну из них вернули под управление прежним владельцам. Эти вотчины стали называться «определенными», т.к. доходы с них были определены законом на содержание монастыря или архиерейского дома. Вторая половина владений получила название «заопределенные». Ими управлял либо приказ, либо прежние монастырские власти, но как простые администраторы. Доходы с «заопределенных» вотчин поступали в казну. Это процесс был назван *определение* монастырей и архиерейских домов. В определение попадали только те владельцы, которые могли дать казне хоть какой-то доход.

В первое десятилетие XVIII в. статус определенных получили 11 монастырей Владимирского края. Из их денежных доходов в 5580 руб. в казну перечислялось 3610 руб. – почти 65 %. Некоторые монастыри – например, Муромский Борисоглебский, Николаевский Шартомский – не имели десятинной пашни и жили за счет оброка, собираемого с крестьян. В определение во Владимирском крае не попали в основном малые монастыри с годовым доходом от 3 до 450 руб. и небольшим размером десятинной пашни – от 25 до 300 дес. [4, с. 161–172, 204, 207]. С них государство не могло получить никакого «прибытка».

Указом от 16 октября 1720 г. вотчины монастырей и архиерейских домов, взятые в Монастырский приказ, возвращались их прежним владельцам. Этот возврат не предусматривал и возвращение прав на распоряжение доходами. Доходы по-прежнему шли в казну, ими ведала Камер-контора [23, с. 248.]. Средства, оставшиеся сверх содержания, передавались на общественные нужды, прежде всего на устройство и функционирование благотворительных заведений.

Суть проведенных изменений в управлении церковными владениями на втором этапе реформ заключалась в отказе от полной секуляризации, проведенной на первом этапе, и переходе к частичной секуляризации.

После разделения России на провинции и губернии верховная власть потребовала учета владений духовенства по вновь созданным областям, а не по монастырским вотчинам, разбросанным по разным уездам. Поэтому в 1710 г. местной администрации было предписано составить новые переписные книги [7, с. 139]. Монастырские слуги, которых привлекли к переписи, не слишком добросовестно отнеслись к новому поручению. В результате и перепись 1710 г. была неполной.

Чтобы внести ясность в данный вопрос, было прове-

дено сравнение писцовых книг, составленных в 1678 г. и новых 1710 г.

Сводная ведомость, составленная в Монастырском приказе, неожиданно показала, что в ряде мест церковных дворов стало больше, чем по переписи 1678 г. Во Владимирской провинции добавилось 19 дворов, в Суздальской – 13, в Юрьев-Польской – 96, в Переславль-Залесской – 55.

В декабре 1715 г. *«Великий Государь указал: в губерниях ландратам переписать дворы крестьянские и бобыльские и в них людей по именам... без утайки»*. Началась так называемая ландратская перепись. Она продолжалась до 1720 г., однако уже в 1718 г. было принято решение о переходе к новой системе налогообложения – с души мужского пола [22, с. 618–620]. Началось составление ревизских сказок.

По данным первой ревизии наиболее крупными душевладельцами во Владимирском крае были Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь – 10498 душ м. п., Суздальский Покровский девичий – 7993 души м. п., Рождественский во Владимире – 7472 души м. п. Суздальскому архиерейскому дому принадлежало 3672 душ. м. п. [5, с. 83–85].

С 1721 г. начался третий этап церковной реформы. 25 января Петр I издал манифест об учреждении *«Духовной коллегии, то есть Духовного соборного правительства»*, которое впоследствии стали называть Святейший Правительствующий Синод [30, с. 109]. Президентом Синода был назначен местоблюститель патриаршего престола – митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский.

Одновременно с учреждением Синода был утвержден Регламент, или *«Устав Духовной Коллегии»*, а в мае 1722 г. – *«Прибавление к Духовному Регламенту»* [24, с. 314; 25, с. 699]. Возможность пострига сокращалась; всем, кто состоял на военной или гражданской службе, постриг вообще был запрещен. Одновременно отменялись взносы при пострижении. Игуменья Владимирского Княгинина монастыря жаловалась на «великое оскудение» и в своем челобитье писала, что *«вдовы и девки давали вкладные деньги для пострига, а ныне вкладных денег принимать и вдов и девок постригать не велено»*. В результате в монастыре нет денег на ремонт – *«гвоздей купить не на что»* [8, л. 6 об.]

И *«Регламент...»*, и *«Прибавление...»* совершенно откровенно были нацелены на ликвидацию малых монастырей. Монастыри и пустыни, «идеже мало братии», следовало либо закрыть, либо объединить с другими обителями [25, с. 713]. Так, к Суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю были приписаны Суздальский Васи-

льевский монастырь и четыре пустыни. В Васильевском монастыре на момент «приписания» было имущества: 16 десятин пашни, 6 душ м.п., денег 10 руб. «да золотой червонец», 9 лошадей, 21 овца, 14 коров. Насельников в монастыре: монашествующих – 14 чел., светских служителей – 9 чел. [18, с. 307].

С 1701 г. была проведена значительная работа по определению штатов монастырей и архиерейских домов. Эта часть реформы при жизни Петра I не была завершена. По указу Синода от 21 мая 1722 г. были составлены полные именные списки монашествующих [28, с. 85]. Выяснилось, что состав насельников монастырей не соответствовал новому законодательству. Так, в Княгинине монастыре кроме 64 монахинь оказалось 8 «бельцов» и 30 «безжалованных» насельниц [10, л. 25 об.]. В Покровском Кукоцком монастыре в кельях со старицами проживали их сыновья, достигшие двадцатилетнего возраста [17, с. 137].

Новый указ от 28 января 1723 г. вообще запрещал постриг в монастыри. При этом предписывалось сообщать в Синод об умерших монашествующих, и на эти «убылые» места постригать только отставных военных и вдовое духовенство [26, с. 18].

Вполне естественно, что духовенство встретило проводимые Петром I реформы крайне недоброжелательно. Духовные лица распространяли нелепые слухи о царе, критиковали его мероприятия. Одним из «обвинителей» царя выступил монах Флорищевой пустыни (недалеко от Гороховца) Иван Нагой. Свое прозвище он получил за то, что ходил в прямом смысле голым, с одной медной цепью и крестом на шее. В таком виде он явился в Москву «царя обличать, что бороды бреет и с немцами водится». И. Нагого пять раз подвергали жестоким пыткам, пытаясь выяснить, есть ли у него сторонники, готовые выступить против Петра. После рассмотрения дела в Преображенском приказе царь лично распорядился Нагому «учинить наказание, бив кнутом нещадно... сослать в Азов на каторгу вечно» [6, с. 132–134].

Петр I полагал, что большая часть монахов «тунеядцы суть... А что, говорят, молятся, то и все молят-

ся... Что же прибыль обществу от сего?» [27, с. 230]. Для пользы обществу следовало «неученых» монахов обучить ремеслам и сельскохозяйственным работам, а монахиням получить навыки женского рукоделия. В соответствии с этой идеей для обучения монахинь прядению во Владимирский Княгинин монастырь были присланы «мастерицы с инструментами и сырьем». По завершению подготовки монахинь (24 чел.) следовало отправить в Монастырский приказ [11, л. 9].

«Благотворительным служением» для монастырей стало заведение больниц, богаделен и воспитательных домов. Например, Николаевский Гороховецкий монастырь получил распоряжение «московских отставных стрельцов...которые явятся в престарелых летах и увечные и работать ничего не могут», кормить в богадельне «безо всякого оскудения» [12, л. 5], а в Спасо-Евфимиев монастырь «для пропитания» в 1724 г. было прислано 14 солдат [18, с. 306]. Вдобавок в монастыри на содержание стали определять умалишенных преступников [2, с. 326].

Таким образом, в первой четверти XVIII в. по инициативе Петра I была начата крупномасштабная реформа, кардинально изменившая жизнь Русской Православной Церкви. На примере церковных учреждений Владимирского края прослеживаются все основные преобразования системы управления, материального положения и даже образа жизни духовенства. Петр I рассматривал монахов как людей праздных, живущих за счет других. Поэтому на монашество и духовенство в целом было возложено «благотворительное подвижничество» – попечение об отставных увечных военнослужащих, нищих, сиротах. Эта функция монастырей сохранялась и в последующие десятилетия.

Основной целью реформ было ограничение самостоятельности Церкви, лишение ее прочной материальной базы, создание государственной церковности. Нельзя сводить петровские реформы только к ликвидации патриаршества. Частичная секуляризация духовных владений стала основой для окончательной ликвидации церковного землевладения в царствование Екатерины II.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Санкт-Петербург: в Тип. 2 отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. IV. 500 с.
2. Андроник (Трубачев), игум., А.А. Бовкало, В.А. Федоров. Монастыри и монашество. 1700–1998 гг. // Православная энциклопедия: Русская православная церковь. Москва: Церковно-науч. центр "Православная энцикл.", 2000. С. 325–346.
3. Богословский М.М. Петр I: материалы для биографии. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы, 1672–1697. Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. 435 с.
4. Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. Москва: Наука, 1977. 327 с.
5. Верховской П.В. Населенные недвижимые имения Св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. Санкт-

- Петербург: тип. Уч-ща глухонемых, 1909. 185 с.
6. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 337 с.
 7. Горчаков М. (*свящ.*). Монастырский приказ. (1649 – 1725 г.): Опыт историко-юридического исследования. Санкт-Петербург: тип. А. Траншеля, 1868. 159 с.
 8. Государственный архив Владимирской области (Далее: ГАВО). Ф. 568. Оп. 1. Д. 8. Л.3
 9. ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 14. Л.1
 10. ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39., л. 25 об.
 11. ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 89. Л. 9
 12. ГАВО. Ф. 573. Оп. 2. Д. 1. Л. 5
 13. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Д.341. Л. 1, 13
 14. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Д.368. Л. 1
 15. Давыдов М.И. Переписные книги Суздальской соборной церкви и архиерейского дома 1701 г. // Вестник церковной истории. 2022. № 1/2 (65/66). С. 173–253.
 16. Добронравов В.Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Переславль-Залесский: Переславский совет ВООПИиК, 2008. 138 с. (Переславская быль: Т. 9. Кн. 1).
 17. Малицкий Н.В. Из прошлого Владимирской епархии. Владимир: Скоропечатня И. Коиль, 1912. Вып. 3. [Гл.] Покровский Кукоцкий монастырь. С. 137—140.
 18. Описание актов собрания графа А.С. Уварова: Акты исторические, опис. И. М. Катаевым и А. К. Кабановым. Москва: тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1905. 668 с.
 19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (Далее: ПСЗ – I). Т. IV. № 1818.
 20. ПСЗ – I. Т. IV. № 1839.
 21. ПСЗ – I. Т. IV. № 1886.
 22. ПСЗ – I. Т.V. № 3287.
 23. ПСЗ – I. Т.VI. № 3659.
 24. ПСЗ – I. Т. VI. № 3718.
 25. ПСЗ – I. Т. VI. № 4022.
 26. ПСЗ – I. Т. VII. № 4151.
 27. ПСЗ – I. Т. VII. № 4450.
 28. Пономарев Д., *свящ.* Малые (малобратственные) монастыри Русского Севера в конце XVII — первой половине XVIII века // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях Palaiorwsia: enscronw, enproswrw, eneidei Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии № 3 (19). 2022. С. 77–90.
 29. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Санкт-Петербург: тип. II-го отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1858-1859. Т. 2.: Потешные и азовские походы. 1858. 582 с.
 30. Цыпин В., *прот.* Русская Православная Церковь в синодальную эпоху. 1700-1917 гг.//Православная энциклопедия: Русская православная церковь. Москва : Церковно-науч. центр "Православная энцикл.", 2000. С. 109–134.

© Киприянова Наталия Владимировна (natvlad50@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»